

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Н. КАРЕЕВ*

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

КРИТИКА ИСТОРИОСОФИЧЕСКИХ ИДЕЙ И ОПЫТ
НАУЧНОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

(Том 1-й. Москва, 1883)

КНИГА 1

Глава I. Понятие философии истории (фрагменты)

1. Уже более ста лет употребляется термин философия историк, и не раз уже выходили в свет книги под этим названием, но до сих пор понятия «философия истории» остается крайне неопределенным: выражение это употребляется в самых разнообразных смыслах, и до сих пор не придано ему совершенно точного Значения. Что такое в самом деле философия истории, о которой столько писали? Каждый почти автор, рассматривавший развитие философии истории, понимает по-своему задачу и сущность этого направления мысли. Впрочем, иначе, пожалуй, и не должно было быть, так как под общее название философии истории можно подвести самые различные направления, а когда хотят точнее определить термин, то не всегда сходятся в выборе того направления, к которому удобнее всего его приурочить. Можно однако сказать, что в общем существуют три главных способа понимания термина, не считая взгляда, по которому «история есть наставница жизни»: одни видят в философии истории философское обозрение прошлых судеб человечества; для других это — исследование общих законов исторического процесса; у третьих, наконец, философия истории принимает вид философских трактатов по так называемой историке, как теория исторического знания. Нельзя сказать, чтобы эти три направления всегда строго различались:

---

* Кареев Н. И. – видный русский историк и философ.

напротив, мы видим беспрестанные смешения задач одного направления с задачами другого; нельзя также сказать, чтобы вне их не было еще чего-либо, чему тот или другой писатель не давал бы названия философии истории: но во всяком случае, это — три главные течения в развитии нашей отрасли знания. После того, как Конт положил начало социологии, спорный термин может быть приурочен либо к первому, либо к третьему направлению: задачу открывать законы, управляющие общественными явлениями, берет на себя именно социология, а исторический процесс подходит как раз под категорию этих явлений. Остаются таким образом неразграниченными два направления — философское обозрение истории человечества и философская теория исторического знания. Если мы обратим внимание на то, в каком смысле вообще чаще всего решается наш вопрос прикосновенными к делу писателями, то увидим, что первое значение более всего должно удержаться за философией истории, а что касается до второго направления, то его необходимо обозначить каким-либо другим термином. Чтобы не разрывать с традицией, лучше всего будет уже воспользоваться готовым словом, которое употреблялось в том же неопределенном смысле, как и философия истории, хотя гораздо реже и не так повсеместно, именно термином историософия, который только для нас представляет новость. Это различие философии истории, социологии и историософии мы считаем нужным сделать в начале нашего труда, чтобы держаться однообразной терминологии.

2. Это употребление одного и того же слова для обозначения философии истории в разных смыслах объясняет нам отчасти несогласие историков относительно того, кого следует считать ее родоначальником: мы могли бы привести до полутора десятка имен первых «основателей» этой науки, авторов «первых» философий истории. Спора нет только о самом слове: честь его изображения все оставляют за Вольтером, хотя в XVIII в. вообще существовало выражение *histoire philosophique* с оттенком некоторой тенденциозности. Так именно (*philosophie de l'histoire*) назвал Вольтер свое введение к «*Essai sur les moeurs de l'esprit des nations*», но значение у него этого слова крайне неопределенно. Несомненно, что на Вольтера нельзя смотреть, как на основателя философии истории: даже философствование над историей (*histoire philosophique*) должно было существовать и раньше середины XVIII в. Мы, говорит г. Стасюлевич, пользуемся ежеминутно и осуществленными основами, и результатами

философии истории всякий раз, когда хотим произнести свой суд о значении того или другого совершившегося факта, о влиянии на судьбу народов, или когда думаем направлять общественные силы к той или другой цели. О какой-либо дате начала философии истории в этом смысле, а не в смысле самостоятельного направления науки, конечно, не приходится говорить, и Вольтер ни в каком случае не был тут первым. По Ренану, эта честь принадлежит пророку Даниилу, которого он называет *le vraifondateur de la philosophie de l'histoire*. Ренан прав, по крайней мере, в том отношении, что верно понимает задачу философии истории, как изображения всемирной жизни человечества: грандиозная картина пророка Даниила — смена четырех монархий — долгое время вдохновляла христианских писателей и во все средние века была философией истории европейских народов. Никак также нельзя согласиться с мнением, по которому в отцы философии истории дается Аристотель: то, что он ввел в политику метод исторического исследования, не дает ему еще права на такой титул, и если великого стагирита за его «Политику» можно назвать родоначальником какой-либо науки, то разве что социологии. Несколько более основания видеть вместе с Лораном в бл. Августине первого, написавшего философию истории с христианской точки зрения, так как его книга *De Civitate Dei* заключает в себе, по крайней мере, программу католической философии истории. Известно, что бл. Августин внушил испанскому священнику Павлу Орозию (V век) первую мысль о его сочинении [...], за которое Держенс делает родоначальником философии истории именно Орозия: книга Орозия действительно первая история человечества, проникнутая одной идеей.

Немногие уходят так далеко в даль веков, ища начала философии истории: большей частью его возводят к временам более близким, к Макиавелли, Бодену, Боссюэту, Монтескье, Вольтеру, Тюрго, Гердеру, Изелину, Вико. Шестеро из этих писателей принадлежат к XVIII в., когда действительно зародилась мысль о научной философии истории, но совершенно напрасно даже к философам истории вообще причисляют Монтескье и Вико. Место Монтескье там же, где и Аристотеля, т.е. в истории развития социологии, только употребляя термин в самом широком смысле, можно говорить о Монтескье как о философе истории, хотя и не первом. Труднее сказать что-либо определенное о Вико и его «Новой науке», но, нам кажется, из

последующего будет ясно, что в строгом смысле он не может быть назван философом истории.

В истории гуманитарных наук Вико представляет явление редкое. Сочинение, которое доставило ему европейскую известность, вышло в свет в 1726 г., но только в 20-х годах нынешнего столетия европейская публика с ним впервые познакомилась; когда же его узнали, то он тотчас же нашел горячих последователей, которые увидели в «Новой науке» целое откровение: стали говорить, что Вико предвосхитил идеи XIX в., что потому только в свое время он оставался одиноким, неочтенным мыслителем. С Вико начинали новую эпоху в науке, его провозглашали истинным основателем философии истории. Действительно, Вико — далеко недюжинный ум, оригинальный, способный на гениальные догадки, однако в первоначальных суждениях о Вико было слишком много увлечения, слишком много преувеличений, а потом все эти суждения повторялись по традиции, тем более, что читать самое «Новую науку» — занятие весьма и весьма непривлекательное. Во-первых, кто знаком с этим сочинением, теперь должен согласиться с тем, что Вико не был человеком XIX в. по своим научным методам: все, говорит Феррари, напоминает в Вико человека XVI в.; Вико был ученый XVI столетия, попавший в XVIII, говорит Бодрильяр. В самом деле, «Новая наука» многими своими сторонами принадлежит скорее XVI или XVII, чем XIX и даже веку: «ни одна новая книга, — читаем у Феррари, — не содержит большого количества удивительных идей и жалких заблуждений; самые высокие истины «Новой науки» окружены величайшими абсурдами. Внимательный читатель заметит сам, что жалких ошибок и нелепостей в труде Вико гораздо более, чем таких истин, которыми может гордиться в. Во-вторых, «Новая наука» вовсе не философия истории, и напрасно так назвал ее Мишле в своем сокращенном переводе этой книги. Кузен видит в ней прототип (*le modele*) «Духа законов», следовательно, социологический трактат; другие указывают на значение Вико как предшественника новейшей исторической критики: философии истории в собственном смысле слова. Он занят не изображением хода всемирной истории, а исследованием законов исторической жизни вообще: таков смысл его идеальной и вечной истории, и это-то он и назвал новой наукой. Вико именно обратил внимание на некоторое единообразие, замечаемое в истории различных народов как результат их общей природы и единства в способах их развития, и поставил себе

задачей найти эту общую для всех народов историю. Новая наука, говорит Вико, должна быть «идеальной и вечной историей, в которой все нации будут шествовать совершенно одинаково со своего возникновения в продолжении своих успехов, своего падения и своего конца». Он исходит из той мысли, что дела человеческие повторяются, когда нации возобновляются, а потому и считает возможным установить «единообразный ход наций», но самая эта задача входит уже в область социологии, и не первый Вико, как увидим, думал об этом.

Итак, два писателя XVIII в., из которых в каждом видят некоторые родоначальника философии истории, в сущности не были даже вообще философами истории: оба они важны, как социологи, причем Монтескье обратил свое внимание на законы сосуществования социальных явлений, а Вико — на законы их последовательности. Но вообще нельзя не отметить того, что в большинстве случаев начало философии истории приурочивают к XVIII в.: действительно, тогда в исторических занятиях совершался переворот: происходило сближение философии и истории; начинали вырабатываться новые идеи, которые оказали громадное влияние на развитие философии истории, стала особенно разрабатываться идея, которая составила, так сказать, душу философии истории, — идея прогресса; явилось название философии истории, и вышел первый труд уже прямо под этим названием — «Идеи о философии истории человечества» Гердера, труд, вполне оправдывающий свое заглавие. Несмотря однако на все это, трудно сказать, что вот такой-то положил начало философии истории: можно только принять, что развитие ее, как отдельной отрасли знания, начинается именно в XVIII в.

Между тем нам указывают на Макиавелли, на Бодена, на Боссюэта, называя то одного, то другого, то третьего родоначальником философии истории. Права первого на этот титул предъявляются так решительно, что их можно и не рассматривать.

Особенно защитником права Бодена на звание первого писателя по философии истории является его биограф Бодрильяр. Боден написал небольшое сочинение «Методы для легкого изучения истории» и его-то Бодрильяр называет «первым уже значительным опытом философии истории», ставя Бодену вообще в заслугу «соединение истории и права и философскую интерпретацию обеих этих наук»: он признал бы автора «Методы» за «истинного отца философии истории, если бы мыслитель

соединился в нем и с артистом». Между тем заглавие хорошо показывает, что это — труд по историке. Писателя, думавшего только произвести реформу в изучении истории, нельзя назвать философом истории, как бы ни были даже важны его идеи. Странно, что обозреватели историко-философской литературы обращают особое внимание на «Методы» Бодена и не упоминают о других трактатах подобного рода. Особенно замечательна «История историй» Деллапопелиньера из самого конца XVI в. Первая часть этой книги представляет из себя обзор и критику историков всех времен и народов, вызванные недовольством автора всеми историками вообще; во второй речь идет о сущности и задачах истории: автор недоволен теми ее определениями, которые делались до него, не исключая и «созерцательных» историков в роде Бодена. Дав свое определение, Деллапопелиньер выводит из него разные требования, которые следует предъявлять историкам. Видно везде, что он замышлял в истории реформу, что его не удовлетворяло современное состояние науки, беспрестанно он к нему возвращается и пытается разрешить вопрос: pourquoi nous n'avons histoire accomplie soit des anciens, soit de notre temps (почему мы не имеем завершённую историю либо прошлой, либо современной эпохи). История всегда будет составлять необходимую специальную дисциплину, как всегда будут появляться труды о сущности, методе или задаче той или другой науки. Развитие того, что мы называли историософией, предполагает развитие и историки, но философия истории не может считать своими родоначальниками таких писателей, как Боден или Деллапопелиньер.

С большим основанием начало философии истории соединяют с выходом в свет известного «Рассуждения о всемирной истории» Боссюэта. Хотя, по словам Бокля, это есть только «смелая попытка низвести историю на степень прислужницы теологии», тем не менее прав и Конт, видящий в «Рассуждении» попытку окинуть взором прошлое человечества а certains lois invariable (с помощью некоторых неизменных законов). Сам Боссюэт говорит, что его всеобщая история должна быть для частных историй отдельных стран и народов тем же, что представляет из себя общая карта по отношению к частным. В сочинении есть основная идея — указать в судьбах человечества действие Провидения, целью которого было установление и распространение христианства.

Из этого обзора «родоначальников» философии истории читатель может видеть, какой различный смысл придадут нашему термину, и что сообразно с нашим определением философии истории зародыши ее мы должны искать у Орозия и у Боссюэта, но никак не у предшественников социологии в роде Аристотеля и Монтескье, не в трактате по историке Бодена, не в «Новой науке» Вико, имеющей характер отчасти исследования по социологии, отчасти общей исторической дисциплины. Но у Орозия и Боссюэта именно только зародыши философии истории: ни «Истории» первого, ни «Рассуждение» второго не основаны на каких-либо социологических теориях, на каких-либо общих взглядах на историческую науку. Притом оба отделены друг от друга несколькими столетиями, принадлежат к разным народам, к эпохам с совершенно различным характером. Наконец, в обоих решительно преобладает религиозная точка зрения. Настоящее происхождение философии истории нужно поэтому, повторяю, отнести к XVIII в., когда европейская мысль сознательно поставила задачу философского обозрения прошлых судеб человечества, когда занялись особенно вопросом о средствах и целях исторической науки, когда впервые, хотя и смутно, представилась умам положительная наука об обществе. С XVIII в. традиция философии истории тянется у длинного ряда писателей, бравшихся за философское обозрение всемирной истории, за теоретическое ее объяснение, за решение различных вопросов, касающихся исторической науки. До XVIII в. мы видим отрывочные и разрозненные направления: в XVIII в. они начинают соединяться, и результатом этого соединения является совершенно новая идея. Исторической науке ставятся новые задачи, и высшей из них делается обозрение хода всемирной истории; само это обозрение считается возможным только при исследовании научного метода, долженствующего применяться к истории, при исследовании человеческой природы и законов, ею управляющих; занятия, которые можно назвать социологическими, получают новую цель — объяснить историю. Изобретается новый термин с характером, правда, неопределенным, но постепенно начинают обозначаться отдельные направления философии истории и науки об обществе, которой позднее дается название «социология», а историка получает новый характер, когда начинает чувствоваться необходимость в общих принципах философии истории, в том, что мы назвали историософией.

Вот почему мы считаем себя вправе сказать, что развитие научной философии истории, как особой отрасли знания, началось только около ста лет назад.

3. За эти сто лет по философии истории и по историософии было написано очень много, и двумя главными литературами, в которых развивались оба названные направления, были французская и немецкая.

4. Мы так долго рассматривали понятие философии истории, что пора подвести итоги. По мере развития историко-философской мысли все яснее и яснее из аморфной массы философствований над историей выделяются два направления — философское изучение фактов, явлений самих в себе и в их взаимной связи в целом, жизни человечества и изучение законов, управляющих этими явлениями, синтетическое воссоздание хода всемирной истории и аналитическое исследование, так сказать, элементов исторической жизни. Рядом с ними мы видим еще одно направление — науку о принципах историко-философских исследований, историософию. Остановимся на первых двух направлениях.

Все, доступное нашему познанию, есть совокупность явлений, управляемых законами. Наше изучение может быть направлено на самые явления или на их законы, смотря по тому, какие цели мы себе ставим. Одна задача описать явления и показать их взаимную связь, другая — найти общие законы их сосуществования в пространстве и последовательности во времени. Отсюда два рода наук — феноменологические, имеющие дело с данными феноменами, и номологические, имеющие дело с известными категориями законов. Говоря вообще, история есть совокупность целой массы явлений в постоянно изменяющейся жизни народов: мы можем, с одной стороны, изобразить существенное в этой совокупности, представив ее в одном целом, с другой стороны, добраться до постоянных отношений сосуществования и последовательности между этими явлениями: в первом случае мы получим науку феноменологическую — историю, от которой ее философия отличается лишь большей абстрактностью, более тесным отношением к субъективным вопросам человеческого духа и необходимым распространением на целое исторического процесса, во втором у нас будет наука номологическая — социология: все мыслители, которые мечтали об идеальной и вечной истории, в сущности стремились не к чему иному, как именно к социологии, даже

в том случае, когда этой идеальной и вечной истории придавали метафизический характер. Вот простое и понятное различие между философией истории и социологией. Философское, проникнутое объединяющей и руководящей идеей рассмотрения сложного феномена всемирной истории, *die denkende Betrachtung der Weltgeschichte*, – как сказал бы Гегель, – задача первой науки, задача второй – исследование общих законов социальной жизни, изменяемость которой и составляет содержание исторического процесса. Взятая с феноменологической точки зрения, история есть в высшей степени сложная смена пестрых явлений в жизни человечества; взятая с точки зрения номологической, она представляет из себя сложное соединение простых процессов, из коих каждый подчинен специальному закону. Процессы механические, физические, химические участвовали в образовании последовательных состояний неорганической природы, как в образовании последовательных состояний человеческих обществ – процессы социологические и психологические. Научное объяснение геологии (которая по нашей терминологии есть наука феноменологическая) выпадает на долю механики, физики, химии, научное объяснение истории есть дело психологии и социологии. В геологии и истории мы исследуем результаты известной комбинации разнородных процессов, в механике, физике, химии, психологии, социологии мы изолируем каждый элементарный процесс и изучаем его в простейшей форме.

Таковы общие отношения феноменологии и номологии. Собственно говоря, указанное нами различие составляет краеугольный камень контовской классификации наук; только термины позитивисты употребляют другие, но их терминология приводит ко многим недоразумениям. Нашим номологическим наукам у Конта соответствуют абстрактные, феноменологическим – конкретные, причем забывается, что не всякая абстракция ведет к открытию законов, и не всякое изображение предметов отличается конкретностью. Вот собственные слова Конта, в которых устанавливается это различие. «Одни науки, – говорит он, – абстрактные, общие, имеющие предметом открытие законов, которые управляют разными родами явлений; другие, конкретные, особенные, описательные, состоят в применении этих законов к действительной истории различных существующих предметов». Приняв такую абстракцию за выведение законов, Конт свою философию истории, т.е.

науку феноменологическую, целиком включил под названием «Социальной динамики» в свою социологию, не поняв, что абстрактной и конкретной может быть и действительная история различных существующих предметов: все дело только в степени. Художественный образ и схематическое изображение, подробная биография и краткая характеристика, протокол и тексты, одинаково имеют предметом феномен, будет ли то какая-либо вещь, или личность, или действие. И в истории возможна целая градация от художественных картин, мелочных подробностей, длинных перечислений частных до отвлеченных схем, до общих характеристик, до кратких формул, между конкретностью исторической материи и абстрактностью ее квинтэссенции. В этом смысле философия истории будет в конце концов та же всемирная история, только доведенная до известной степени абстрактности в изображении ее хода.

Неудобство контовских терминов почувствовалось самими позитивистами, а между тем надобность в каких-нибудь терминах для обозначения двух родов наук ясна из того, что многие писатели самостоятельно приходили к тому же различию. Мы привели, например, взгляд Курно. Бюшэ также различает постоянный порядок последовательности явлений и изменчивость их генерации и говорит, что при абстрактном знании мы не видим вариации, которые выступают при фактическом. Рибо не находит слов, чтобы точно выразить разницу между обоими способами изучения. Недавно г. Де Роберти в своей «Социологии» подверг вопрос пересмотру, находя контовское объяснение неудовлетворительным. Он восстает против заключения, что «все научные законы абстрактны, а все науки конкретны», защищает ту мысль, что «нет ни конкретной физики или конкретной химии, или биологии, или социологии», доказывает, что конкретные науки изучают явления, подчиняющиеся одновременно законам разных категорий, т.е. изучают, соединяя результаты, добытые несколькими абстрактными науками, так что «конкретные науки суть всегда исключительно науки продуктов, а не факторов или элементов». С этим мы можем согласиться, хотя у нас с г. Де Роберти разные исходные пункты и его терминологию (науки основные и производные) мы считаем выражающей нечто иное, нежели мы хотим установить.

Давая эту классификацию, мы достигаем важных результатов. Философия истории и социология, получая каждая свою область, не

могут более смешиваться, и одна не устраняет другой: историки освобождаются от упрека, что не занимаются открытием законов, потому что освобождаются от этой задачи, социология перестает быть предметом экспериментов, стремящихся превратить ее в описательную науку. Это раз. Во-вторых, возлагая задачу открытия законов исторического процесса на психологию и социологию, мы не нуждаемся в каких-то еще особых исторических законах, помимо общих психологических и социологических, что устраняет из философии истории массу недоразумений. В-третьих, мы получили некоторые данные для определения понятия философии истории, как абстрактно феноменологического изображения перемен в жизни человечества: своим абстрактным характером она отличается от истории, которая должна дать ей хорошо разработанный и достаточно обобщенный материал; своим феноменологическим характером она отличается от социологии, которая должна ей дать научные основы для объяснения изучаемого ею процесса; своей связью с рассмотрением всемирной истории — от частных историй, идеалом которых может быть философия истории. Под именем же историософии мы разумеем не что иное, как общую теорию философии истории, как существует общая теория исторической науки — историка. Это чисто практическая дисциплина, которая должна, так сказать, дать свод принципов, коими обязан руководствоваться философ истории. Понятно, что историософия должна отличаться иным характером, чем историка, поскольку философия истории имеет задачи, отличные от задач истории.

Попытаемся точнее определить основной характер историософии. Задача представить в одном целом прошлые судьбы человечества, указать на последовательность и взаимную связь главных перемен в его жизни, имея дело преимущественно с обобщениями, добытыми исторической наукой, без всякого сомнения, есть задача в высшей степени сложная и трудная, выполнение которой требует особой подготовки. Здесь возникает целая масса вопросов, без предварительного решения которых совершенно невозможно приступить к делу. Первый вопрос, конечно, что такое философия истории, в каких отношениях должны находиться в ней объединяющая идея исследователя и вся совокупность явлений всемирной жизни человечества. Целая философская доктрина так или иначе должна сказаться в абстрактном изучении прошлых судеб человеческого рода.

С другой стороны, так как философия истории имеет дело с общими историческими течениями, в которых особенно ясно может проявляться действие законов духовного и общественного развития человечества, то для нее особенно важно исследование этих законов, которые, объясняя прошедшее, в то же время давали бы некоторое указание относительно будущего и таким образом сообщали бы нам известного рода знание общего направления истории и зависимости ее хода от разных данных в действительности условий существования человеческих обществ. Таким образом, для философии истории необходима особая доктрина, в которой положения историки были бы дополнены принципами философии, психологии и социологии, могущими сколько-нибудь послужить историко-философским занятиям. Этого требуют как сама сущность дела, так и современное состояние философии истории.

Из нашего обзора литературы предмета читатель мог видеть, что установление принципов философии истории не только часто входит в состав сочинений, так или иначе изображающих общий ход истории человечества, но даже делалось самостоятельным предметом исследования, задачей особой теории. Вообще говоря, вопросы этой теории можно разделить на три категории. Во-первых, мы имеем тут дело с тем отношением, в котором должны находиться философское умозрение и фактические данные науки: роль философии в истории разными писателями понималась различным образом, и эта роль должна быть точно определена; это один из вопросов историки, в широком смысле слова. Во-вторых, на любом сочинении по философии истории отражается общее мирозерцание его автора, и целая масса чисто философских вопросов должна быть решена, прежде, нежели мы приступаем к исследованию судеб человечества: необходимость и свобода человеческой воли, абсолютная и относительная случайность исторических фактов, слепая фатальность или целесообразность общего хода истории, субъективная или объективная цель истории и т.п. — вот эти вопросы. В-третьих, философия истории тем скорее может достигнуть своей цели, чем лучше разработаны разные теории отдельных наук, имеющих то или иное отношение к историческому знанию: такие вопросы, как влияние природы страны и прирожденных свойств расы на историю народа, общие причины возможности и общие условия прочности исторического движения, сходства и различия в развитии отдельных обществ, роль личностей и масс в

крупных перемен, которым общества подвергаются и пр., и пр. тому подобные вопросы, входящие главным образом в область социологии, имеют также в высшей степени важное значение при историко-философских занятиях. Другими словами, историософия есть разрешение таких вопросов истории, философии и гомологических наук, без которых немислимо самое занятие философией истории. Особенно в наше время чувствуется необходимость в подобной дисциплине, когда история колеблется между самым грубым эмпиризмом и самыми произвольными и субъективными толкованиями, когда в философских воззрениях господствует полнейшая анархия, а в истории — несистематическое философствование, когда с разных сторон предлагается столько всевозможных теорий для объяснения истории, теорий, одна другой противоречащих и одна другую исключаящих, когда, наконец, существует столько недоразумений, столько взаимного непонимания или игнорирования между историками, психологами, социологами, философами, что самое существование философии истории подвергается некоторыми сильному сомнению. Появление многих сочинений по философии истории объясняется главным образом желанием установить принципы науки; почти все труды по литературе философии истории имеют предметом преимущественно изложение и критику историософических теорий, и от этой критики авторы таких трудов ожидают положительных результатов. И везде мы читаем жалобы на неудовлетворительное состояние общих исторических теорий. По мнению, например Грановского, мы доселе не имеем идеальной всеобщей истории вследствие «отсутствия строгого метода и не довольно ясного сознания настоящих целей нашей науки». Другой русский писатель указывает еще с большей силой на современную анархию в решении вопросов исторических и социологических... Неустойчивостью историософических принципов объясняется и то, что философия истории развивалась до сих пор так неправильно.

Глава IV. Философское построение хода истории (фрагменты)

Напрасно думают, что философия и история две непримиримые вещи. Все будет зависеть от того, что мы будем разуметь под философией. История состоит вся из смены известного рода явлений,

она сама есть очень крупное и очень сложное явление в ряду других феноменов. Все они, как таковые, однородны, существуют в общих условиях времени и пространства, подчиняются общим законам причинной связи, составляют одно целое мира: философия, ограничивающаяся изучением мира явлений, не имеет в себе ничего такого, что не могло бы быть применено к объяснению истории. Наука, занимающаяся явлениями вообще, дает общие принципы, которые с одинаковым успехом приложат в своих областях и астроном, и зоолог, и историк. Но если под философией разуметь науку, выходящую за пределы мира явлений, ищущую сущности самой вещи в себе (*Ding an und fur sich*), то такая философия и история несоизмеримы: одна занимается единым и неизменным бытием, другая многими изменчивыми явлениями, и между ними возникает пропасть, на которую указывали и Фихте, и Шеллинг, и Шопенгауэр, – пропасть, которую Гегель старался замаскировать, заключив бесконечное в конечное, и конечному приписав значение бесконечного. Сущность всех мировых процессов, быть может, одна, но эмпирически мы имеем несколько общих их категорий, одна от другой отличных: каждая категория есть особый мир в малом виде, имеющий свои особые принципы бытия, — мир материи, мир жизни, мир духа, — и для каждого такого мира есть своя философия, которая дополняет общую, ни в чем ей не противоречит. Понятно, что философия мира материи или мира органической жизни и история – вещи несоизмеримые, поскольку первые две занимаются процессами механическими, физическими, химическими, физиологическими, а история разрешается на изображение процессов, совсем иного порядка: нет нужды, что последние имеют свою основу в первых, ибо и весь мир явлений имеет основу в мире сущего, считаем ли мы его или нет доступным нашему познанию, главное то, что это — процессы иные, а потому должна быть у них своя философия, философия духа и философия общества, которые вполне соизмеримы с историей, разрешающейся на процессы психические и социальные. Как для совокупности явлений, для истории непригодна метафизика, для которой все феноменальное не должно иметь никакой цены и значения; как для совокупности явлений, в основе которых лежат процессы психические и социальные, для истории не пригодна философия мира материи и органической жизни, поскольку обе они интересуются только тем, что дают науки о неорганической природе и об органической жизни, и насколько

результаты физических в широком смысле и биологических процессов не имеют специального значения условий, под которыми совершается история. Как явление, со всеми другими явлениями имеет отношение к общей философии мира; как явление *sui generis*, не похожее на природу, она имеет отношение к особой философии, к теории духовной и общественной жизни.

Глава V. Идея прогресса (фрагменты)

1. В предыдущих главах мы установили четыре положения относительно философии истории, и все четыре – отрицательного свойства. Во-первых, философия истории не есть философская теория истории как науки; во-вторых, она не есть исследование законов, управляющих ее явлениями; в-третьих, ей следует отказаться от поисков плана, по которому совершается история; в-четвертых, она не должна быть конструирована *a priori*; из каких бы то ни было философских принципов. Предмет ее не принципы знания, но действительность, – не законы явлений, но сами явления, – не гипотетический план, а эмпирический данный ход, – не априорное выведение, а апостериорное построение событий. Но такова задача вообще истории, как науки, и применение к явлениям общих принципов еще не сообщает ей специального философского характера. Что же придает философии истории этот характер окончательно? В чем заключается та точка зрения, которая вносит внутреннее единство в эту науку? Где тот общий, философский вопрос, который должна решить история?

Этот вопрос существует. Он поставлен давно и ставится ныне и впредь будет ставиться, пока человечество будет жить и мыслить. Это – вопрос о смысле истории.

Философия истории есть познание смысла истории, как она совершалась доселе, куда и как вела и ведет она земное человечество в пределах земного; философия истории есть суд над историей: мало сказать, что ход ее был такой-то, что составляющие его процессы управляются такими-то и такими-то законами, нужно найти еще смысл всех этих перемен, сделать им оценку, разобрать результаты истории и их также оценить. Здесь исследователь возвышается над миром истории и стремится найти ее сущность в ее результатах. В этой главе мы увидим, что почти все философии истории видели смысл истории в

самом общем ее течении, которое называется прогрессом: к этому, по-видимому, приводит исторический опыт. Правда, многие являются ярыми противниками или явными и тайными скептиками относительно идеи прогресса, и на чисто эмпирической почве вопрос решаться не может, как это стараются сделать некоторые писатели: тут именно нужно подняться выше, постигнуть возможность прогресса в нем самом, как общей тенденции духовной природы человека, ибо из того, что прогресс еще не осуществил или осуществил только часть своей возможности, нельзя приходить к его отрицанию. Из того, что в действительности нет совершенно правильных кругов, нельзя выводить, что в идеальном круге радиусы не будут абсолютно равны. Если эмпирическое изучение истории наводит нас на мысль о прогрессе, то это значит, что общее ее течение может быть рассматриваемо как прогрессивное. Но что такое общее течение истории, как не результат суммы великого множества элементарных процессов психической и социальной жизни? Раз это так, мы должны допустить, что в общем тенденции этих процессов действуют именно в смысле прогресса явлений. Показывает ли это философия, стоит ли она теперь на точке зрения неизменных и самим себе всегда равных Идей Платона, или же понимает мир, как развитие? Кто знаком с историей новой философии, тот, конечно, знает, что идея развития составляет ее душу при самых различных точках зрения. Мир, как целое, есть развитие, эволюция, творчество высших форм бытия. Не как о внутренней сущности мира говорим мы это, а как о всей совокупности его явлений. В недрах мира неорганического возникает органический, в нем мир явлений психических и, как последний их продукт, мир истории. Если эволюция есть общий смысл мира явлений, как целого, то не может быть иной смысл у мира истории, как его части. В этом результате последние продукты умозрения до известной степени совпадают с самыми широкими историческими обобщениями. Если при теперешнем состоянии философии мы не можем иначе понять всю совокупность феноменов, изменяющихся во времени как эволюцию, то принцип этот должны применить и к истории, эмпирическое же занятие последней наводит на мысль о прогрессе: время платоновских Идей, неизменных и всегда себе равных, копиями которых являются все вещи, и время античной веры в исторический круговорот отходит в прошлое. Вещи — не повторяющиеся копии идеальных образцов, а продукты сил, постоянно идущих вперед; история — не однообразная

смена дня и ночи, но процесс, создающий новые формы. Эта общая точка зрения и придает философии истории философский характер. Но она слишком обща для того, чтобы в этом отвлеченном виде быть примененной к истории; она нуждается в более точном определении, в развитии и приспособлении к специальным целям философии истории, как познания смысла истории. До сих пор мы расчищали только почву для специального изучения главнейшей историософической идеи, идеи прогресса [...]

Итак, вот основная задача философии истории: представив ход изменений в жизни и судьбах человечества, как он нам известен из опыта, поняв его по категориям законов психологии и социологии, мы должны найти смысл этих изменений для человечества, которое им подвергалось. Следовательно, тут речь может идти не об абсолютном смысле, а об относительном: какое значение имеет история для человека? И именно, наперед прибавляем, для человека, т.е. не самого исследователя, не для того или другого поколения, уже сошедшего со сцены или ныне живущего или имеющего когда-либо жить, а для всех людей вообще, где бы то ни было и когда бы то ни было. И именно, прибавляем еще, сама история, т.е. ряд известных событий и перемен в обстановке, а не что другое, не измененная, например, сущность земного существования единиц, вопрос о смысле, которой не нуждается в разрешении путем историческим. Вот в каком значении мы просим понимать выражение смысла истории: смысл для людей тех изменений в их жизни, которые произведены историей.

Тут возможны три основных воззрения: либо человечество всегда жило так, как живет теперь, не двигаясь ни назад, ни вперед, либо оно постепенно подымается к более совершенному состоянию, либо постепенно падает с высоты в бездонную пропасть. Господствующим воззрением древности было первое, хотя в ее религиозных, поэтических и философских концепциях мы можем найти и мрачную идею падения, и светлые чаяния лучшего будущего. Третье воззрение представляет, вообще говоря, исключение, душу новой историософии и философии истории составляет идея именно прогресса.

КНИГА II

Глава V. Исторический критерий (фрагменты)

1. Определив философию истории как искание смысла исторического процесса в его целом, мы далеки от того, чтобы понимать это искание в значении, какое ему придают метафизические мыслители: мы говорим только о субъективной оценке истории с относительной, человеческой точки зрения, вне всяких поисков в области метафизического мышления, в которой последней целью истории ставится, по выражению Меринга, *irgend ein urperso nliches Resultat*. Оценка исторического процесса может происходить только по отношению к человеческим личностям, как испытывавшим или имеющим испытывать то или другое от того оборота, который принимают дела на земле. Мы видели, что историк не может игнорировать той оценки, которые производят отдельные поколения целых обществ, так или иначе понимая современное им положение дел. С другой стороны, историк сам невольно делает оценку хода истории, как прогрессивного или регрессивного, всегда предъявляя истории известные субъективные требования: он считает нормальным то течение исторической жизни, которое наиболее соответствует его идеальным требованиям. Некоторые мыслители пытались уже не раз определить условия идеальной истории, понимая последнюю не в том смысле, в каком говорит о ней Вико, а в смысле чисто субъективном. К числу этих мыслителей относится, например, Иениш, который предъявляет идеальной истории четыре требования: первое – гармоническое развитие способностей человека, второе – направление всего к одной цели, третье – возможно большая скорость движения, четвертое – наибольшая географическая распространенность прогрессивного процесса. По нашему мнению, эти четыре условия определены довольно удачно и с легкими изменениями могут служить меркой для оценки истории: формуле прогресса нужно только показать, какие существуют препятствия для осуществления этих требований, и различить между ними необходимые, т.е. вытекающие из самой сущности исторического процесса, от случайных, т.е. таких, которые являются результатом посторонних условий.

Чтобы обе оценки, т.е., так сказать, коллективный суд человечества и личный суд историка свести к одному принципу, необходимо

поставить истории такую цель, которая объединяла бы обе эти оценки. Такою целью может быть лишь осуществление наибольшего количества блага в жизни человечества: отдельные индивидуумы, каждый для себя лично, оценивают историю в ее для них результатах с точки зрения личного блага; историк видит в процессе не что иное, как процесс, ведущий именно к увеличению блага для кого бы то ни было, где бы то ни было, когда бы то ни было, — а в регрессе процесс с диаметрально противоположными результатами. С этой точки зрения искание смысла истории сводится к ее оценке ввиду субъективной цели жизни, которой может быть для разумного существа только увеличение блага для других подобных мыслящих и чувствующих существ, где бы то ни было и когда бы то ни было, и в соответственном уменьшении суммы страданий. Понятно, что арифметические выкладки здесь невозможны: историк необходимо будет останавливаться, как на отрядных явлениях истории, на таких процессах и фактах, которые если и не имели непосредственно благотворных результатов в данную эпоху, то по существу своему могут дать их в будущем, когда бы то ни было и где бы то ни было.

Вот в каком значении позволительно искать смысл истории, не сходя с твердой почвы реального мира на зыбкие хляби метафизики, которая ищет безусловного смысла истории, производя ей quasi объективную оценку и ставя ей цель вне личного блага кого бы то ни было, где бы то ни было и когда бы то ни было. Каждый хорошо поймет, к каким односторонностям приходят историки, когда оценку истории берут исключительно на себя и закрывают глаза на личность, испытывающую на себе перемены в исторической жизни и от себя делающую им оценку. В таком представлении элементы культуры являются разрозненными, и историк следит за их развитием и их сменой, как будто бы они существовали сами по себе и их развитие, определяя дальнейший ход истории, так или иначе не сказывалось бы на целых массах людей. С другой стороны, игнорируя личность, философствующие историки часто следили за историей таких явлений, которые менее всего обуславливали то или другое состояние человечества, — и совершенно упускали из виду более важные, от которых зависела судьба целых поколений и весь дальнейший прогресс. Нам кажется, что, например, развитием искусства в философии истории занимались слишком много и слишком мало экономической жизнью. Это произошло вследствие того, что у

писателей по философии истории не было такой мерки, посредством которой можно было бы определить относительное значение разных элементов культуры и их истории. Такая мерка заключается только в человеческой личности: значение для нее экономических отношений, государственного строя, произведений искусства есть критерий, на основании которого мы можем отделять в истории менее важное от более важного и наоборот: вся греческая пластика неизмеримо менее определяла судьбу отдельных греков и влияла на общий ход прогресса, чем аграрные отношения в Риме влияли на судьбу его граждан и на всю европейскую историю. Вообще философия (особенно у немцев) более занималась историей человеческого сознания (философией, религией, например, и т.п.) и менее всего — условиями существования человека (экономические и социальные отношения, положение личности в государстве и т.п.), потому что имела почти всегда в виду окончательное состояние человечества, для которого важно приобретение новых истин и их постепенная реализация, — и всегда упускала из виду условия существования личности в разные эпохи, как нечто временное и преходящее. От разных преувеличений нас спасет только сведение всех элементов культуры к личности как к общему их знаменателю, чем гораздо вернее, нежели каким-либо другим путем, определится и существенное содержание истории. С другой стороны, только по отношению к личности можно вполне хорошо определить данные в действительности стадии прогресса. Дело в том, что сравнивая между собой две эпохи, мы всегда найдем, что если в одном отношении сделан прогресс, то в другом замечается регресс, но общей меркой для суждения о том, подвинулось ли вперед или отошло назад общество при переходе из одной эпохи в другую, будет ухудшение или улучшение человеческого существования: здесь опять критерием является личность, поскольку для нее выгоднее прогресс более важных сторон жизни при регрессе менее важных, чем обратное отношение. Каждая эпоха представляет из себя целую совокупность явлений, и вполне значение ее в истории прогресса мы поймем лишь тогда, когда дадим ей всестороннюю характеристику, что возможно, только принимая в расчет, как жилось отдельным личностям в эту эпоху. Нельзя изучать развитие одного элемента культуры вне его отношения к другим и все их вместе вне отношения к человеку. Оценка того или другого факта в истории прогресса будет всегда неверна, если исследователь будет принимать в расчет только одну какую-либо

сторону истории. Мы согласны, например с тем, что прогресс заключается, между прочим, в подчинении природы власти человека посредством разных изобретений в технических искусствах. С этой точки зрения мы отметим, как факты несомненно прогрессивные, изобретения различных машин: каждая дает человеку новую власть над природой. С точки зрения общего прогресса появление всякой новой машины мы должны приветствовать как благодеяние, как новую ступень той лестницы, которая ведет человечество к большей власти над природой. Уже Аристотель предвидел такое значение искусственных орудий, а Антипарос в I в. до Р.Х. приветствовал водяную мельницу, изобретенную около этого времени как важную помощницу человека. Подобные идеи может проводить и философствующий историк, но если он примет в расчет влияние введения машин на современников, отношение последних к ним, их оценку совершившегося, благодаря машинам, экономического переворота, то во взгляде его явится очень важная поправка. Он оценит тогда изобретение машин не только по отношению к прогрессу человечества вообще, принимая в расчет и отдаленное будущее, но и по отношению к известным людям, на которых непосредственно сказалось их влияние: он увидит, что введение машин, благодаря известному социальному строю, вызвало множество явлений несомненно регрессивного свойства: оно привлекло к фабричному труду женщин и детей, что вызвало ужасные физические и моральные последствия, оно удлинило рабочий день, оно сделало труд более тяжелым и однообразным, оно превратило работника в автомат и т.д.

Историк поймет тогда народную ненависть против машин в начале широкого их применения к фабричному производству, которая была бы непонятна, если бы он продолжал стоять на точке зрения интересов отвлеченного человечества. Нет ничего абсолютно прогрессивного, ибо каждое явление, принося с собой что-либо хорошее, что-либо хорошее и уносит: узнать это можно лишь из оценки явления не только по отношению ко всему историческому процессу, который каждый склонен понимать по-своему, но и по отношению к той эпохе, когда явление имело место, причем человеческая личность одна есть та мерка, которая определяет в конце концов прогрессивный или регрессивный характер той или другой перемены: получить большее благо, пожертвовав для него меньшим, — несомненный прогресс, быть

в обладании меньшим благом в замене большего — несомненный регресс.

Однако окончательно на этой точке зрения остановиться нельзя. Оценка истории будет неполна, если мы ограничимся рассмотрением результатов каждой перемены в состоянии общества только по отношению к современникам этой перемены, непосредственно испытавшим на себе ее влияние: необходимо иметь в виду и ее значение в целом истории, как причины, ускорившей или замедлившей и все последующие прогрессивные перемены в человечестве, или как перемены, сделавшей возможным другие прогрессивные перемены теперь ли или в отдаленном будущем. Оценка истории по отношению к отдельным поколениям есть, так сказать, вычисление того, какой ценой прогресс покупался; оценка истории в ее целом есть, напротив, нахождение общего смысла всех тех перемен, которые составляют из себя историю человечества. Идея прогресса есть мерка для оценки хода истории по категориям лучшего и худшего, истинного и ложного, вследствие чего философия истории необходимо превращается в критику всемирной истории с точки зрения наших идеалов. Основной вопрос ее: куда идет человечество с самого начала исторической жизни, — переводится при этом на другой: осуществляет ли история наш идеал? Так как последний сам есть продукт истории, то мы занимаемся поэтому в философии истории и его генеалогией. В исследование о возникновении и развитии нашего идеала и влияния на него всех перипетий исторических судеб мы поэтому невольно и превращаем философию истории, для суждения о важности исторических фактов обращая внимание на наши требования от будущего: важны именно явления, которые способствуют осуществлению того, что составляет наш идеал. Без этого немыслима философия истории: именно так и поступала большая часть философов истории. Не станем ли мы, однако, вследствие этого в противоречие с самими собой? Нисколько. Мы против принципа не потому, что он ложен, а потому, что он односторонен и требует дополнения: мы указываем на другой принцип, противоположный, которым следует дополнить первый, но вовсе ему не противоречащий, ибо возможно слить воедино и рассмотрение того, как прогрессировало человечество в целом, и того, как жили отдельные его поколения. Дело в том, что прогресс человечества определяет условия жизни отдельных личностей в каждую данную минуту, и в нашем идеальном представлении жизни мы имеем мерку для оценки

действительно существовавших в истории форм индивидуальной жизни. С одной стороны, мы не поймем хода истории, если будем игнорировать судьбу личностей, совокупная деятельность которых создает историю; с другой, мы не в состоянии окажемся определить судьбу единиц, если не станем изучать того, как изменялись условия их существования. Каждое историческое явление имеет две стороны: с одной, это — известный момент целого, которое мы называем всемирной историей, одна из причин всех последующих явлений; с другой стороны, это — известное условие, которым определяется судьба личности в тот или другой период истории. Одна точка зрения другой не исключает: они взаимно дополняются.

Мы сейчас сказали, что философия истории есть критика прошлого с точки зрения наших идеалов. Но эта критика может быть двоякая. Первый вопрос заключается в том, чтобы показать, каким образом то или другое явление способствовало осуществлению нашего идеала, и с этой стороны мы определяем прогрессивный или регрессивный характер явления. Второй вопрос сводится к тому, насколько соответствовало явление субъективным требованиям личностей, на которые оно имело непосредственное влияние. В первом случае судьей является сам историк, который видит целое, во втором случае судьи — те единицы, на судьбу которых явление имело то или другое влияние. Этот судья и эти судьи должны идти рука об руку, имея общий критерий, но применяя его различным образом: историк должен поправлять суждения единиц, судьбой которых он занимается, и в то же время должен руководиться этими суждениями. Историку известно лучше одно, личностям, испытавшим перевороты истории, известно лучше нечто иное: первый яснее видит значение факта в целом истории, последним понятнее влияние его на них самих. Но критерий у них общий, ибо и оценку историка, и оценку личностей, с которыми мы имеем дело в истории, можно свести к одному принципу, принцип этот — развитая личность, находящая удовлетворение своим потребностям. Мыслитель следит за прогрессом, как постепенным возникновением, умножением, усилением условий, делающих возможным такое положение человечества, при котором личность в состоянии достигнуть высшей степени развития и самым полным образом удовлетворять своим потребностям: с этой точки зрения он оценивает отдельные явления как средства для достижения этой цели или, наоборот, как препятствия, мешающие ее осуществлению. Человек

вообще, испытывающий на себе влияние исторической жизни, видит в окружающей среде условия своего личного существования, способствующие или мешающие ему лично развиваться и удовлетворять своим потребностям. Историк вносит поправку в суждение личности, поскольку, стоя на более высокой ступени развития, имеет возможность оценивать самое развитие личности и определять степень его условиями ее существования, но в то же время ему нельзя обойтись и без этого суждения, когда он хочет понять, насколько данное состояние общества удовлетворяло притязаниям личности. Таким образом, характеризуя какую-либо эпоху как ступень в общем развитии нашей расы или известной ее части, он оценит эту эпоху и с другой точки зрения, разрешая вопрос, насколько тогда жизнь личности удовлетворяла идеалу, т.е. насколько личность была развита и потребности ее удовлетворялись. Кладя в основу философии истории идею прогресса, он будет одновременно знать, и как человечество в целом постепенно приближалось к своему идеалу, и насколько он осуществлялся уже по отношению к людям, с которыми имеет дело история. Например, изобретение машин несомненно приблизило нас к более совершенному состоянию человечества, так как при известных условиях жизни употребление их бесспорно дает личности более досуга для развития и способствует более полному удовлетворению ее потребностей, но на деле введение машин, благодаря разным временным условиям социального строя, производило часто нечто противоположное идеалу, поглощая все время работника, превращая его самого в автомат, уменьшая его заработную плату и подвергая его существование зависимости от различных случайностей торгового рынка. Или мы говорим, например, об успехах науки, которые дадут человеку возможность сделать то-то и то-то, но нужно еще показать, насколько человек уже воспользовался для себя этими успехами. История пред разумом совершается не для одних «имеющих прийти последними», она оказывала и оказывает влияние на отживших уже и ныне живущих людей.

Мало знать историю успехов человечества в философии, науке, искусствах и т.п., нужно знать еще, какой ценой они покупались и что уже принесли для человека из своих плодов. Историк, желающий стоять на высоте своей философской задачи, не ограничится изучением одной судьбы прогресса: он покажет нам, какой ценой он покупался и какие плоды успел уже дать для труждающихся и обремененных

исторической жизнью. Без этого условия мы непременно встретим нападение со стороны скептиков, которые будут нас обвинять в пошлом оптимизме: историк, игнорирующий судьбу личности, непременно оптимист, как непременно пессимист тот, кто слышит одни жалобы единицы и не хочет обнять взором целого истории в ее прошедшем, настоящем и будущем, целого, в котором можно обнаружить действие прогресса. Историк не должен быть ни оптимистом, ни пессимистом, а тем и другим понемножку: если факт прогресса радует его сердце, то исследование того, какой ценой покупался прогресс и как мало до сих пор человек воспользовался его плодами, — значительно должно понизить его тон. История не яркий летний день, но и не пасмурные осенние сумерки, не торжественный марш победителей, но и не надгробное рыдание заупокойной панихиды: историк должен по возможности с объективной точностью воспроизвести ее светлые и мрачные стороны, мужественную энергию и бесконечную тоску ее звуков, ибо такова вся жизнь человеческая. Своего субъективного настроения он не имеет права навязывать самому созерцанию жизни: оптимизм Гегеля, который объектом своей философии истории делает нечто целое и единое, вечно шествующее вперед, и который уничтожает самостоятельное значение личности в истории и пессимизм Шопенгауэра, для которого реален только индивидуум, и который отрицает поэтому историю человечества, — дают нам крайне односторонние представления о всемирной истории. Во всяком, однако, случае мыслящему историку свойственнее быть пессимистом: действительность не соответствует никогда его идеалу, и личности, изучаемые им в истории, страдают от этого же разлада, если только не переступают за тот порог в историческом бытии народов, за которым остается бессознательная, инстинктивная, безыдейная, традиционная жизнь первобытного человека, еще не умеющего критически относиться к жизни. Раз появляются в обществе идеалы, и жизнь подвергается критике личностей, — возникает недовольство настоящим, стремление к улучшению. Может ли философия истории быть критикой всемирно-исторического процесса, если мы возьмем эту критику лично на себя и не станем прислушиваться к критике всего человечества? С самого начала истории человечество ее критикует: вправе ли суждение одного человека стать выше того итога, который можно подвести под суждениями миллионов? Оно будет непременно условным, односторонним, неполным, случайно-субъективным и

вполне произвольным, — вот новое доказательство необходимости не забывать личность в истории. Философский исследователь прошлых судеб человечества будет помнить, что интересно не одно то, как сам он судит историю, а как судит ее все человечество: он не только светоч, бросающий свой свет на картину жизни человечества, но и фокус, собирающий разрозненные лучи света, посылаемые ему суждениями человеческих личностей, с которыми он имеет дело в истории. Только при этом условии его трудно будет упрекнуть в пошлом оптимизме, который является у историков, берущих всю критическую работу на себя, и его философия истории не будет его личным взглядом: в ней человечество узнает свой суд, узнает свой суд и отдельная личность, как член целого и как самостоятельная единица.